

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 622-284.1
К 82
Е.Ф. Кринко

Детство военных лет (1941-1945 гг.): проблемы и перспективы изучения

Аннотация:

Статья посвящена советской и современной российской историографии проблемы положения советских детей в годы Великой Отечественной войны. В ней раскрываются сложные и малоизученные вопросы данной проблемы, выявляются перспективы ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, героизм, дети, детские учреждения, детство, историография, коллаборационизм, комсомол, оккупация, пионерская организация, патриотизм, СССР, социальное обеспечение, школа, эвакуация.

Детство миллионов советских граждан пришлось на время Великой Отечественной войны. Война стала одним из самых значительных потрясений в жизни целого поколения, искорежив немало человеческих судеб. Различные стороны жизни советских детей в годы войны не раз находили отражение в историографии, однако военное детство как комплексная научная проблема до сих пор не стала предметом специального анализа. В настоящей статье подводятся итоги освещения данной проблемы в советской и современной российской исторической науке, определяются наиболее перспективные направления дальнейших исследований.

Изучение военного детства в советской историографии находилось под сильным влиянием идеологии, что выразилось в выборе исследовательских приоритетов, самих способах интерпретации событий войны, использовании соответствующей источниковой базы и научной терминологии. Главное внимание уделялось, в первую очередь, героизму и патриотизму детей и подростков на фронте и в тылу.¹ Советские авторы подчеркивали, что они стремились во всем помогать взрослым в борьбе с сильным и опасным противником, становились разведчиками, юнгами на военных кораблях, бойцами формирований МПВО, партизанами и подпольщиками. Немало работ популярного жанра рассказывало о подвигах пионеров и комсомольцев на фронте и в партизанских отрядах. Широкую известность приобрели имена пионеров-партизан, посмертно удостоенных звания Героя Советского Союза – Лени Голикова (в 1944 г.), Вали Котика (в 1958 г.) и Марата Казея (в 1965 г.).² В союзных и автономных республиках, краях и областях, во многих населенных пунктах существовали свои собственные юные герои, судьба которых находила отражение в региональной или краеведческой литературе.

Значительное количество работ раскрывало и популяризировало различные формы помощи детей фронту: сбор средств в фонд обороны, на строительство военной техники, отправку теплых вещей для фронтовиков, помощь их семьям, инвалидам войны, раненым и выздоравливающим красноармейцам, сбор лекарственных трав, тимуровское движение и другие инициативы. Советские исследователи охарактеризовали работу школьников на

предприятиях, в колхозах и совхозах, участие в строительстве оборонительных сооружений. В качестве примера самоотверженного труда детей в тылу, в частности, отмечалось введение обязательного норматива выработки для 12-16-летних подростков – членов семей колхозников.³ Считалось, что подобные меры советского руководства нашли поддержку среди большинства советских подростков. Напротив, практически ничего не говорилось об ужесточении ответственности за невыполнение обязательного минимума трудодней, которое касалось не только взрослых, но и детей.

В работах, посвященных деятельности пионерской организации в годы Великой Отечественной войны, подчеркивалось, что она была направлена на воспитание детей в духе преданности идеям коммунистической партии и советскому государству.⁴ Немало внимания уделялось описанию руководящей роли комсомола в организации патриотического подъема советских детей.⁵ Не только содержание, но и сам стиль указанных работ, наполненных пропагандистской риторикой, отражали стремление использовать военный опыт в воспитательных целях. Влияние идеологической конъюнктуры сказывалось и на публикациях документов по данной теме, которые содержали только материалы, характеризующие вклад советских детей в общее дело победы над врагом.

В последние годы рассматриваемым сюжетам в целом стало уделяться меньше внимания. Тем не менее, в 1990-е – начале 2000-х гг. вышли новые работы историков, краеведов и журналистов, рассказывающие о судьбах ранее неизвестных юных участников войны, пересматривающие трактовку отдельных событий.⁶ Основой для их написания, помимо источников личного происхождения, послужили документы высших и центральных комсомольских органов, региональных комсомольских организаций и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, часть которых рассекречена в последние годы. Немало очерков, статей и небольших рассказов о юных участниках войны опубликовано в региональной периодической печати. Методологические позиции авторов публикаций последнего десятилетия нередко представляют собой возвращение к позитивизму, а коммуни-

стическую идеологию заменяет государственный патриотизм.

Не менее важным направлением в изучении военного детства в отечественной историографии предшествующих лет являлась забота советского государства о детях. Еще во время войны вышли брошюры и статьи пропагандистского характера о политике советского руководства в отношении детей, в том числе членов семей военнослужащих, популяризовавшие опыт данной работы в стране в целом и отдельных регионах.⁷ В послевоенное десятилетие рассматриваемым вопросам уделялось меньше внимания, но в середине 1960-х – 1980-е гг. они нашли отражение в разделах о советской социальной политике обобщающих трудов по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, советского общества и коммунистической партии.⁸ Как самостоятельное направление в деятельности советского государства политику в отношении детей впервые выделил А. М. Синицын,⁹ появились и другие специальные исследования по проблеме.¹⁰ Существенно дополняют ее характеристику современные исследования, авторы которых вводят новые сведения о мерах советского руководства в отношении детей, нередко переоценивают степень их эффективности, итоги и значение.¹¹

Подчеркивая постоянное внимание советского государства к детям, историки охарактеризовали нормы снабжения и поиск дополнительных средств для улучшения детского питания, создание новых детдомов, суворовских и ремесленных училищ, шефство над детскими учреждениями, устройство и усыновление сирот, создание фонда помощи детям и сбор средств в него, другие мероприятия. Исследователи подчеркивали значительный размах оказываемой помощи, указывали, что для детей фронтовиков в годы войны в СССР было собрано 273 млн. руб., значительное количество обуви, одежды, белья, продовольствия. Количество детей, пользовавшихся услугами оздоровительных учреждений различного типа, выросло с 1,5 млн. в 1943 г. до 3,6 млн. чел. в 1945 г.

В то же время обеспечение детских учреждений оставалось на протяжении всей войны крайне тяжелым, им не хватало питания, обуви, одежды, инвентаря, недооценивавшиеся историографией 1950 – 1980-х гг. Современные авторы считают, что, несмотря на предоставление детям в яслях и садах полного рациона питания, он не всегда соответствовал физиологическим нормам.¹² Достаточно показательны в данном отношении слова из письма воспитанников одного из детских домов Крыма, отправленного в самом конце войны, 20 января 1945 г., В. М. Молотову: «Нас не беспокоит то, что пока живем в малоприспособленных болгарских хатах, что мы еще пока недостаточно одеты и обуты, но нас беспокоит то, что весна не за горами, а работать у нас не на чем. Инвентаря у нас нет, а лошадь одна, и та – без зубов, так что ни наш тщательный уход, ни корм не возвращают ее к полной работоспособности».¹³

Серьезной проблемой в СССР в годы Великой Отечественной войны стало значительное увеличение количества беспризорных и безнадзорных детей. Исследователи раскрыли основные решения советского руководства по данному вопросу, создание и деятельность республиканских, краевых и областных комиссий по устройству

детей, чьи родители погибли или отстали во время эвакуации, трудности возвращения таких детей к нормальной жизни, обучению и труду. Только в Белоруссии после ее освобождения от оккупации насчитывалось свыше 70 тыс. сирот, на Украине в апреле 1944 г. на учете состояло 147 тыс. сирот. Для их устройства расширялась сеть детских учреждений, принимались меры по улучшению условий проживания в них. Всего в конце войны в СССР насчитывалось около 6 тыс. детских домов, не менее 350 тыс. детей воспитывалось в семьях советских граждан.¹⁴

При этом в советской историографии проведение мероприятий в отношении детей, оставшихся без надзора родителей, связывалось с общей политикой ВКП(б), основными принципами коммунистической идеологии, что сопровождалось недооценкой роли правоохранительных органов в решении данной проблемы. Между тем, задача по задержанию таких детей и «последовательная профилактическая работа по искоренению безнадзорности и беспризорности» возлагалась именно на органы милиции. Безнадзорные дети до 15 лет поступали в приемники-распределители НКВД, где в течение двух недель должны были установить место нахождения их родителей. В случае невозможности возвращения домой дети до 14 лет направлялись в соответствующие детские учреждения, старше 14 лет – на работу в промышленность и сельское хозяйство или на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. В дополнение к трудовым колониям, в которых содержались осужденные дети и подростки, с 1943 г. создавались трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей, а также подростков, замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях. В составе НКВД СССР 21 июня 1943 г. были организованы отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и соответствующие отделы (отделения) НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей. В их ведение из ГУЛАГа передали детские приемники-распределители и трудовые колонии НКВД СССР для несовершеннолетних.

В тесной связи с вопросами социального обеспечения детей рассматривались и проблемы их медицинского обслуживания в годы Великой Отечественной войны, лечебно-профилактическая и противозидемическая работа органов здравоохранения, направленная на снижение детской смертности и заболеваемости.¹⁵ В историографии отмечалось, что в первый период войны количество инфекционных заболеваний выросло, в 1943 г. снизилось, а в 1944 г. вновь повысилось, особенно в освобожденных от оккупации регионах. Современные исследования содержат более резкие оценки общего состояния детского здоровья, в них больше внимания уделяется младенческой смертности. Отметив факты широкого распространения дистрофии и роста детской смертности, В. С. Кожурин, например, утверждал, что в военные годы «нация находилась на грани физического вымирания».¹⁶ Наиболее высокие показатели младенческой смертности были зафиксированы в Свердловской, Кировской, Горьковской, Омской областях – местах массового размещения эвакуированных. Серьезные недостатки существовали и в рабо-

те органов здравоохранения сельских районов, республик Закавказья и Средней Азии.

Еще в годы войны были опубликованы первые работы, раскрывавшие трудности работы системы образования в военные годы, ставившие задачи повышения качества обучения, воспитания советского патриотизма, улучшения методики преподавания.¹⁷ В послевоенное время опыт развития советской школы в период Великой Отечественной войны обобщался в целом ряде диссертационных и монографических исследований, защищенных как по истории, так и по педагогике.¹⁸ Их авторы указывали, что главной задачей общеобразовательной школы в условиях войны являлась реализация всеобщего обучения детей, охарактеризовали помощь школьников фронту и тылу, задачи, стоявшие перед системой образования, изменения в ее структуре, содержании и формах, ухудшение материального положения учебных заведений. Школы перешли на двух- и трехдневные занятия, количество учащихся сократилось в полтора, а в старших классах – в два раза, что было связано с уходом школьников на фронт, их работой дома и на производстве, нехваткой необходимых одежды и обуви. В отечественной исторической науке достаточно подробно освещены усилия советского руководства, направленные на нормализацию работы школ, строительство новых школьных зданий, снабжение нуждавшихся учеников и другие меры.

В специальных работах раскрывался ущерб, нанесенный общеобразовательной школе в период оккупации части регионов СССР, сложности ее восстановления после освобождения.¹⁹ Гораздо меньше внимания советские историки уделяли работе образовательных учреждений на оккупированной территории СССР. В советской историографии сложились упрощенные представления по данному вопросу, сводившиеся, главным образом, к описанию стремления захватчиков использовать школу в качестве идеологического оружия, влияния на нее нацистской пропаганды. Считалось, что данные меры вызывали отторжение советских школьников, в массовом порядке прекративших посещение учебных занятий. Лишь в последние годы вышли исследования, авторы которых, опираясь на рассекреченные документы центральных и региональных архивов, предложили более полную картину состояния системы школьного образования на оккупированной территории СССР. Они раскрывают основные направления политики оккупантов в сфере образования, ее связь с дореволюционной образовательной традицией, что выразилось в создании гимназий, введении платного и раздельного обучения, в проведении рождественских праздников и других воспитательных мероприятий, введении Закона Божьего, а также в содержании издававшихся в это время школьных учебников.²⁰

Историки не раз обращались к вопросам эвакуации детей и подростков, однако в их изучении по-прежнему сохраняется немало «белых пятен». Неизвестно даже точное количество эвакуированных детей в годы Великой Отечественной войны. Только за первый месяц войны из Москвы и Ленинграда на восток страны были вывезены 800 тыс. ребят. Сотни тысяч детей эвакуировали из западных и центральных областей РСФСР, Белоруссии, Украины, Молдавии, Прибалтики. Однако в современных исследованиях отмечается, что были и такие советские

руководители, которые проявляли медлительность в проведении эвакуации, а затем оставляли детей и сами спасались бегством. В блокированном войсками противника Ленинграде оказалось 467 тыс. детей.²¹ Значительную часть из них впоследствии удалось вывезти в тыл, но немало детей умерло от голода, холода и болезней.

Появились публикации, рассказывающие о судьбе детских домов, не успевших эвакуироваться на Украине и Кавказе. На Северном Кавказе к лету 1942 г. скопилось немало детских учреждений, эвакуированных из западных районов страны, Ленинграда, Белоруссии, Крыма и застигнутых врасплох неожиданным немецким наступлением. Из Ставропольского края смогли эвакуироваться 72% детских учреждений, из Краснодарского края – 47 детских домов из 107 (44 %), из Кабардино-Балкарии – 3, Северной Осетии – 1, Чечено-Ингушетии – 9. Всего с территории Северного Кавказа удалось эвакуировать 98 детских домов с 13356 воспитанниками.²² Судьба многих воспитанников оставшихся на оккупированной территории детских учреждений оказалась трагична, часть из них, с риском для собственной жизни, спасли местные жители, некоторые умерли от болезней и истощения, других казнили оккупанты. Достаточно драматично складывался и сам путь эвакуированных детских учреждений, вынужденных продвигаться под вражескими бомбардировками, испытывая недостаток продуктов, денег, необходимых транспортных средств.

Советские историки подчеркивали, что для эвакуированных детей в тылу были созданы все необходимые условия для жизни и учебы. В материалах Наркомата здравоохранения СССР о положении перебазируемых детских учреждений в 1943 г. отмечалось, что состояние здоровья эвакуированных ребят в общем считалось удовлетворительным. Однако М. С. Зинич отмечает, что «в отчетах местных органов здравоохранения порой содержались искаженные данные, приукрашивающие действительность».²³ Наряду с теплым, доброжелательным отношением со стороны властей и местного населения, эвакуированным детям нередко приходилось сталкиваться и с проявлениями бюрократизма, полным равнодушием к своей судьбе, порой даже враждебным приемом, что объясняется националистическими настроениями, общими материальными трудностями. Указанные негативные явления находят отражение в новейших публикациях,²⁴ однако в целом жизнь детей в эвакуации требует дальнейшего осмысления.

В последние годы вышли исследования, раскрывающие материальное положение и психологическое состояние, труд и учебу, другие обстоятельства жизни советских детей на оккупированной территории СССР, которым не уделялось внимания в историографии предшествующих лет. Например, Л. Н. Юсупова выделяет определенные различия в восприятии событий оккупации Советской Карелии детьми, принадлежавшими к представителям различных национальностей – «коренных» (карелов, финнов, вепсов) и «некоренных» (русских).²⁵ Однако немало вопросов жизни детей в оккупации нуждается в дополнительном изучении, включая влияние оккупации на их последующую судьбу. Нередко люди, пережившие оккупацию в детском возрасте, впоследствии продолжали

подвергаться ограничениям в трудоустройстве, поступлении в вузы, выезде за границу.

Особое место в рамках рассматриваемой проблемы занимают истории детей-евреев, которые обрекались нацистским руководством на массовое уничтожение наравне с взрослыми на захваченной территории СССР. В последнее время к ним чаще обращаются исследователи в связи с широкой разработкой темы Холокоста, однако обычно результаты изучения сводятся к отдельным количественным показателям, отражающим общие масштабы потерь, характеристике дискриминационных мер в отношении данной группы. Повседневная жизнь в нацистском гетто, изменения во взаимоотношениях с соседями, сами способы выживания в экстремальных условиях, другие аспекты проблемы пока получили лишь художественное прочтение.

Малоизученными остаются и судьбы тех подростков, которые добровольно уехали или были принудительно угнаны на работу в третий рейх, прошли через нацистские концлагеря. В 1990 – начале 2000-х гг. вышли специальные работы, посвященные истории «восточных рабочих», но в них немного внимания уделяется положению советских детей и подростков в Германии и других оккупированных ею странах. В предисловии к одной из немногих публикаций воспоминаний причины подобного умолчания связываются с двойственностью их положения: «работали на врага, а жили, во всяком случае, некоторые, лучше, чем на родине. Многие в Германии столкнулись с немцами, которые относились к ним по-человечески. На родине же, в СССР, они попали в черные списки».²⁶ В отечественной историографии отмечалось, что бывшие юные узники концлагерей росли в детских домах, отдыхали в пионерлагерях, лечились в больницах. Однако многие дети, оказавшиеся по тем или иным причинам за границей, после репатриации попали в число «неблагонадежных», многие после детдомов с трудом могли устроиться на работу, испытывали по отношению к себе недоверие в различных формах.

Вплоть до последнего времени практически не изучалась проблема противоправного поведения детей и подростков в военные годы. Между тем, во время Великой Отечественной войны произошел значительный рост детской преступности, вызывающий интерес современных исследователей. Анализируя правонарушения, совершенные в 1941 – 1945 гг. учащимися средних специальных учебных заведений, О. В. Кузьмина и Е. Л. Поцелуев связали их причины, прежде всего, с тяжелым материальным положением детей и подростков, которые неудовлетворительно обеспечивались продуктами питания, одеждой и обувью, имели мизерные стипендии. Большинство преступлений имели корыстные мотивы, среди них преобладали кражи и грабежи, значительно выросло количество изнасилований, проявлений хулиганства. Напротив, учащиеся не принимали участия в умышленных убийствах, нанесении тяжелых телесных повреждений; редкими были и случаи спекуляции, вследствие отсутствия доступа к материальным благам. При этом противоправные действия совершали преимущественно юноши, преступность среди девушек была всегда значительно меньше, хотя их удельный вес в составе учащихся средних специальных учебных заведений СССР вырос с 55%

в 1940/1941 г. до 69% в 1945/1946 г.²⁷ Эти данные во многом подтверждают публикации архивных документов.

При анализе детской преступности необходимо учитывать ужесточение советского режима в годы войны. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. «О применении судами постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. “О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”», к суду привлекались дети, как совершившие умышленные преступления, так и нарушившие закон по неосторожности. Не все дети и подростки, заменившие своих отцов и братьев на производстве, могли выполнять существовавшие нормы выработки и подвергались уголовному наказанию за невыполнение плана или самовольный уход с работы. Дети немцев, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей и других представителей депортированных народов оказались в принудительной ссылке вместе со своими родителями уже в силу своей принадлежности к национальности, оказавшейся «неблагонадежной» в условиях войны.

В дополнение к оперативному приказу наркома НКВД от 15 августа 1937 г., определявшему применение репрессивных мер в отношении «детей изменников Родины», 14 июня 1942 г. было издано специальное постановление ГКО «О членах семей изменников Родины». Аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на 5 лет подлежали члены семей лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания за добровольный уход с оккупантами при освобождении захваченной территории, за исключением тех, в составе которых имелись военнослужащие РККА, партизаны, лица, оказывавшие им содействие в период оккупации и награжденные орденами и медалями СССР.²⁸

Дальнейшие перспективы в изучении военного детства тесно связаны с необходимостью дальнейшего расширения корпуса источников проблемы. Так, вопросы материально-бытового положения детей в годы Великой Отечественной войны характеризуют документы фондов центральных и местных органов власти – наркоматов и отделов социального обеспечения, торговли, коммунального хозяйства, статистических управлений и других государственных и партийных структур. Получить более полные представления о влиянии войны на состояние здоровья детей в СССР позволит привлечение документов союзных и республиканских наркоматов здравоохранения, отделов здравоохранения краевых, областных, районных и городских исполкомов, отдельных медицинских учреждений. Вопросы развития образования раскрывают документы фондов наркоматов просвещения, главного управления трудовых резервов при СНК СССР, соответствующих отделов исполкомов, а также вузов, техникумов, училищ, школ.

Многие из указанных материалов уже введены в научный оборот и активно используются исследователями, в чем сказывается положительное значение широко развернувшихся в 1990-е гг. процессов рассекретивания документов военных лет. Способствуют дальнейшей разработке проблемы новые документальные публикации, в которых, в частности, приводятся данные о снабжении детей и подростков, динамике детской смертности в годы войны и другие сведения.²⁹ Содержатся в них и сведения

о жизни несовершеннолетних заключенных, ранее практически недоступные отечественным авторам.³⁰

Однако значительное количество документов, прежде всего, региональных и местных архивохранилищ, только ожидает исследователей. К сожалению, в последние годы все больше проявляется тенденция к ограничению доступа исследователей к тем или иным комплексам документов, что особенно сказывается в работе ряда региональных и ведомственных архивов. В наименьшей степени доступны историкам в настоящее время документы советских правоохранительных органов, раскрывающие различные аспекты жизни детей и подростков военных лет. Например, материалы отдела детских трудовых и воспитательных колоний НКВД играют существенную роль в прояснении положения беспризорных и безнадзорных детей.

Несмотря на то, что в историографии накоплен определенный опыт изучения проблемы, многие аспекты сохраняют малоизученный характер. Например, совершенно неразработанными сюжетами остаются судьбы тех подростков, которые находились в составе вооруженных формирований, воевавших на стороне третьего рейха, а также детей коллаборационистов. В советской историографии считалось, что поддерживать противника могли лишь отдельные, крайне немногочисленные изменники и враги народа. Современные исследования предлагают более достоверную картину советского коллаборационизма, раскрывают его типы, мотивы, причины, однако история детей, которые по тем или иным причинам оказались в годы войны с другой стороны линии фронта находит отражение в отдельных, достаточно фрагментарных публикациях. Неизвестно и их точное количество, однако ясно, что оно не было совсем незначительным. Только в Казачьем Стане в Италии в январе 1945 г. находился 1721 ребенок.³¹ Для детей и подростков Казачьего Стана была развернута целая сеть учебных заведений, включавшая казачье юнкерское училище, казачий кадетский корпус, военно-ремесленную школу, войсковую гимназию, женскую школу практического деловодства, шесть начальных и церковно-приходских школ, восемь детских садов.³²

Следует отметить, что если взрослые коллаборационисты самостоятельно принимали решение о своем вступлении в формирования, воевавшие на стороне вермахта, хотя их мотивы при этом различались, нередко носили вынужденный и не всегда политический характер, то участие детей в них чаще определял случай. Излагая свою «пунктирную, далеко не прямую линию судьбы» подростка, оказавшегося на службе в таких формированиях, Н. Васильев говорит, что его «возраст не позволял сделать сознательного выбора в годы войны».³³ Кроме того, значительная часть детей попала в состав коллаборационистов вместе со своими родителями, связавшими свою судьбу с оккупационной администрацией и отступавшими на запад вместе с войсками вермахта под натиском частей Советской Армии. Дальнейшая их судьба мало отличалась от линии жизни взрослых коллаборационистов, многие подверглись наказанию, были лишены прав, другие тщательно скрывали от окружающих данные факты своей биографии, не раз меняли имена, фамилии и места жительства.

Работы современных российских историков открывают новые направления исследований рассматриваемой проблемы. Это отражает серьезные изменения в развитии самой исторической науки в России, обновление методологической и источниковедческой базы исследований. В результате в историографии складывается более мозаичная и достоверная картина военного детства, однако многие вопросы требуют дополнительной проработки. Среди них общность и различия в судьбах детей представителей партийно-государственной номенклатуры и спецпоселенцев, рабочих и крестьян, столичной и провинциальной интеллигенции, русских и чеченцев, украинцев и татар, немцев и евреев, других социальных слоев и этнических общностей в составе советского общества военных лет. Например, З. Б. Боташева, обращаясь к последствиям принудительного выселения народов, отмечает негативное влияние получившего преобладание в депортации женского воспитания детей, следствием чего стало нарушение преемственности передачи народных знаний и этикета. По ее словам, в депортации росло число «физически ослабленных, закомплексованных молодых людей».³⁴ К малоизученным проблемам следует отнести и вопросы межличностных отношений детей различных социальных групп и национальностей, которые складывались в реальности гораздо сложнее, чем многократно описанная советскими историками картина всеобщей дружбы народов.

Перспективным направлением в развитии современных исследований проблемы следует признать обращение историков к вопросам, связанным с внутренним миром детей-участников войны, их переживаниями, влиянием войны на детскую психику. Долгое время в историографии духовное состояние, чувства и настроения детей, их представления о событиях на фронте и в тылу, отношение к противнику упрощались и догматизировались, считалось, что советские дети, как и другие категории населения СССР, должны были испытывать чувство патриотизма, гордость за свою страну и ненависть к врагу. Указанные чувства были достаточно широко распространены, поддерживались и продуцировались при помощи советской пропаганды. Однако при этом не учитывались возрастные, психофизиологические особенности детей и подростков. Между тем, многочисленные побеги подростков на фронт в годы войны, их стремление к участию в боевых действиях могли быть вызваны, наряду с патристическими настроениями, и присущим им как определенной возрастной группе желанием рисковать, совершать героические подвиги, придать общественной значимость своим поступкам.

Поэтому данные вопросы также требуют дальнейшего изучения, что в немалой степени осложняет поиск источников, отражающих духовно-нравственное, психологическое и эмоциональное состояние советских детей. Введенные в научный оборот официальные документы военного времени не позволяют в полной мере раскрыть их, поэтому существенное значение приобретает использование источников личного происхождения, прежде всего, устных. Проведение опросов среди детей – участников и очевидцев событий военных лет оправданно уже тем, что эта возрастная категория является практически единственной когортой, чьи воспоминания о войне могут быть

репрезентативными в достаточной степени. В то же время необходимо учитывать, что значительный временной промежуток, отделяющий нас от событий военных лет, различные напластования более поздних эпох в значительной степени деформировали представления о войне в памяти ее очевидцев.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, затрудняющее разработку указанных сюжетов. Если для взрослых выход из войны являлся нелегкой психологической проблемой, то еще более тяжелые последствия она оказывала на неокрепшую детскую психику. Посттравматический синдром продолжал сказываться на судьбе юных участников войны спустя долгое время после ее завершения, что выражалось не только в нервных и психических заболеваниях, общем состоянии физического и душевного здоровья, поведенческих особенностях, выборе профессии или стиля жизни, но и в самой памяти о войне. Это вызывало вполне объяснимое желание поскорее избавиться от тяжелых, гнетущих воспоминаний о пережитых трудностях. Особые причины забыть свое прошлое существовали у бывших коллаборационистов и других участников войны, чьи действия получили негативную оценку советского руководства и могли послужить основанием для репрессивных действий в их адрес, осложнений для профессиональной и личной жизни. Однако и другие участники войны, пережившие ее в юном возрасте, нередко не желают по тем или иным причинам вспоминать о ее событиях.

Примечания:

- ¹ Юность мужала в боях. – М., 1966; Молодые герои Великой Отечественной войны. – М., 1970; Котляр Э. – С. Войной опаленная смена. – М., 1985; Стояли со взрослыми рядом. – Л., 1985; Дети военной поры. 2-е изд. – М., 1988 и др.
- ² Корольков Ю. Партизан Леня Голиков. – Л., 1955; Наджафов Г.Д. Смелые не умирают. – М., 1968; Пионеры – герои. 3-е изд. – Минск, 1972 и др.
- ³ См.: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958. – М., 1958. Т.2. – С.219-220.
- ⁴ Николаев В. И. Пионерская организация в годы Великой Отечественной войны. – М., 1973; Лебединский В.В. Подвиг юных. Пионерия в годы Великой Отечественной войны. – М., 1975 и др.
- ⁵ Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. 2-е изд. – М., 1978 и др.
- ⁶ Мовзалевский В. Я. Маленькие солдаты Отечественной. 1941-1945 гг. – Ставрополь, 1995; он же. Дети Отечества. – Ставрополь, 2001 и др.
- ⁷ Гришкова Л. Окружим вниманием и заботой семьи советских воинов. – М., 1941; Куфаев В. И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. №8. – С.9-14 и др.
- ⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. – М., 1961-1965. Т.1-6; История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. Т.V. Книга 1; История второй мировой войны 1939-1945 гг. – М., 1973-1982. Т.1-12; История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1973. Т.10 и др.
- ⁹ Синицын А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. №6; он же. Всенародная помощь фронту. – М., 1975.
- ¹⁰ Гольдин А. М. Комсомол – детям в дни Великой Отечественной войны // Народное образование. 1968. № 10; Заднепровская Л. Д. Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны // Вместе с армией и народом. – Волгоград, 1970 и др.
- ¹¹ Загвоздкин Г. Г. Социальная политика ВКП(б) и советского государства в годы Великой Отечественной войны. Дисс... д-ра ист. наук. – М., 1991; Зинич М. С. Будни военного лихолетья. 1941-1945. – М., 1994; Горбулина И. В. Социальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири). Дисс... канд. ист. наук. – М., 2001 и др.
- ¹² Зинич М. – С. Указ. соч. – С.44.
- ¹³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. – М., 2003. – С.147.
- ¹⁴ Синицын А. – М. Всенародная помощь фронту. 2-е изд. – М., 1985. – С.391, 394.
- ¹⁵ Чучелин Г. А. Деятельность Коммунистической партии по охране здоровья советского народа в годы Великой Отечественной войны. На материалах Российской Федерации. – Л., 1975; Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Л., 1985 и др.
- ¹⁶ Кожурин В. С. Народ и власть (1941-1945 гг. Новые документы). – М., 1995. – С.5.
- ¹⁷ Бараш Б. Л., Живова З. Работа школы в условиях военного времени // Советская педагогика. 1941. № 10. – С.66-70 и др.
- ¹⁸ Яркина Т. Ф. Школы РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Дисс... канд. пед. наук. – М., 1954; Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. – М., 1984 и др.
- ¹⁹ Кондакова Н. И. Восстановление системы народного образования в освобожденных районах // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. – М., 1976; Цымбал Л. М. Восстановление учебно-производственной базы общеобразовательных школ в освобожденных районах СССР в годы Великой Отечественной войны // Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941-1945 гг. Сб. ст. – М., 1985. – С.44-59; Ярушина Л. В. Восстановление общеобразовательных школ на освобожденной территории // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М., 1986. – С.137-147 и др.
- ²⁰ Кринко Е. Ф. Школа и образовательная политика на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны // Образование в регионах России. Уроки истории и перспективы. Сб. тезисов. – М., 1997. – С.31-34; он же. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). – Майкоп, 2000. – С.109-110; Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). – Ростов-на-Дону, 2003. – С.272-295 и др.
- ²¹ Зинич М. С. Указ. соч. – С.40-41.
- ²² Линец С. И. Указ. соч. – С.68-71.
- ²³ Зинич М. – С. Указ. соч. – С.42.
- ²⁴ Кринко Е. Ф. Массовые миграции населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: опыт историографического обобщения // Народы и власть в истории России: проблемы исследований. Сб. науч. статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н. Ф. Бугая. – Майкоп, 2002. – С.161-162.
- ²⁵ Юсупова Л. Н. Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны (по устным воспоминаниям детей войны) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol.30. № 2. – P.178 – 181.
- ²⁶ Черненко М. Свои и чужие. – М., 2001. – С.6.
- ²⁷ Кузьмин О. В., Поцелуев Е. Л. К вопросу о преступности учащихся средних специальных учебных заведений РСФСР в 1941-1945 гг. // Социально-политические проблемы Великой

Отечественной войны 1941-1945 гг. Кострома, 1992. – С.133-134.

²⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С.93-94.

²⁹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 и др.

³⁰ Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956. – М., 2002. – С.376-449.

³¹ Науменко В. Г. Великое предательство. – СПб., 2003. – С.330.

³² Чуев С. Проклятые солдаты. – М., 2004. – С.153.

³³ Васильев Н. Записки юного казака // Тимофеев Н. С. Война и судьбы. Невинномысск, [Б.г.]. – С.63.

³⁴ Боташева З. Б. О влиянии депортации на развитие карачаевской культуры и искусства // Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции. Карачаевск, 1994. – С.170-171.